Перзашкевич, О.В. О некоторых аспектах истории Южной Азии (V—III тыс. до н. э.) / О.В. Перзашкевич // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 175-181.

О.В. Перзашкевич

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ АЗИИ (V—III тыс. до н. э.)

Вопросы становления цивилизаций древности являются одними из ключевых при исследовании истории человечества. Традиционно они разделяются на две большие группы: история развития региона возникновения цивилизации и проблемы взаимодействия различных регионов становления ранних цивилизаций.

Согласно современным исследованиям, одним из таких регионов возникновения цивилизаций является Индия, прежде всего благодаря раскопкам поселения Мехргарх, чьи истоки восходят к VII тыс. до н. э. [15, с. 32—37].

В этой связи немалый интерес вызывают возможные ранние связи Индии с другими центрами становления ранних цивилизаций, и прежде всего с Ираном, Средней Азией и Месопотамией.

Поскольку, на настоящий момент, наличие определенной системы межрегиональных торговых и культурных связей между Индией и Ме-

сопотамией по морю в III тыс. до н. э. можно считать доказанным (благодаря обнаружению в Междуречье индских товаров и печатей, а так же бадахшанской ляпислазури, которая доходила до Египта), уместным является вопрос о более ранних контактах, а также о таких отношениях со Средней Азией и Ираном (и особенно с Южным Туркменистаном, известным своими археологическими памятниками Анау, НамазгаДепе, АлтынДепе, Маргуш и др.) [4]. Целесообразной видит ся и постановка вопроса о возможной системе контактов Индии в V—III тыс. до н. э.

Прежде всего определим исходные позиции относительно ситуации, происходившей в указанный период за пределами Южной Азии.

В то время климат юга Средней Азии, как и всех прилегающих территорий, существенно отличался от современного. Резкого сезонного перепада температур не было, лето не было засушливым, а зима ветреной и холодной. Очевидно, не было недостатка в осадках. Кроме того, вероятно, что в VI—V тыс. до н. э. по территории современных пустынь Средней Азии несли свои воды питавшиеся из предгорных ледников реки Узбой (чье пересохшее русло сейчас представляет со бой долину от Сарыкамышской котловины до Каспийского моря, ограничивая с северо-запада пустыню Каракумы) и Жанадарья (которая, возможно, текла из долины Иссык-Куля на запад, завершаясь устьем в районе Красноводского залива; фрагмент ее пересохшего русла про ходит по дну Туранской впадины), были полноводны Теджен и Тур гай. Все это создавало на юге Средней Азии оазисы с природными условиями, очень благоприятными для развития производящего хозяйства.

В VII—VI тыс. до н. э. севернее Копетдага сложилась Джейтунская неолитическая культура. Джейтунцы вели оседлый образ жизни, возделывали пшеницу и ячмень, разводили овец. Эта культура переживала подъем. Ряд археологических данных указывает на связь этой культуры с загросской земледельческой культурой Джармо (с середины VII тыс. до н. э.) и иранской земледельческой культурой Сиалк (с VI тыс. до н. э.). На базе Джейтунской неолитической возникает Анауская энеолитическая культура, имеющая

общие черты с современными ей иранскими и месопотамскими. В IV тыс. до н. э. анауский уровень металлообработки не уступал эламскому.

В конце V тыс. до н. э. в долине юго-восточнее Анау в предгорьях Копетдага возникает еще один энеолитический земледельческий центр — Намазга-Депе, существовавший здесь до II тыс. до н. э. без пе-

рерыва. Это был самый крупный земледельческий центр Южного Туркменистана.

В IV тыс. до н. э. в Южном Туркменистане, в долине реки Теджен, появляется третий самостоятельный земледельческий энеолитический центр — Геоксюр, находившийся под эламским влиянием. К III тыс. до н. э. климат становится заметно суше, и в Средней Азии появляется орошаемое земледелие.

Как представляется, можно с уверенностью говорить об очень ран них (ок. второй половины V тыс. до н. э.) связях Южного Туркменистана с Северным Ираном (Тепе-Гиссар и Тепе-Сиалк) в области становления медной металлургии, о чем свидетельствуют появившиеся многокомнатные дома и круглые в сечении медные шилья, известные так же по своим более ранним костяным прототипам, найденным в Джей-туне. Подтверждением этих связей можно считать и четырехгранные медные шилья, булавки со спиральной головкой и украшения, найденные прежде всего в Анау и ТепеГиссаре [5, с. 24—25]. Еще одним свидетельством очень древних культурных связей рассматриваемого региона с Ираном может считаться и наличие крестообразных мотивов в орнаментации керамики. Дальнейшее развитие контактов с Ираном связано, по всей видимости, с развитием новых поселений Геоксюрского оазиса, население которого имело устойчивые связи с современными ему иранцами [9, с. 42].

Достаточно бесспорными являются и ранние связи Южного Туркменистана с Передней Азией, нашедшие подтверждение как в орнаментах керамики, так и в металлургии [3; 9, с. 46—47]. Есть также некоторые основания считать, что на юге Туркменистана в обозначенный период ощущалось влияние убейдской культуры [5, с. 26], поскольку жилища местных земледельцев по некоторым показателям сходны с со временными им строениями Передней Азии [1; 6].

В III тыс. до н. э. туркмено-переднеазиатские контакты получили новое продолжение. Показательна в этом смысле трехступенчатая башня в Алтындепе, очень похожая на месопотамский зиккурат. Это строение было возведено на 25-метровой платформе высотой в 2 м, построенной из кирпича-сырца. На платформе располагались три куба, по следовательно уменьшающиеся в размерах, создавая своеобразную ступенчатую пирамиду. Восточные грани этих кубов были выкрашены в красный цвет. Общая высота башни составляла 8—10 м, парадный фа сад тянулся на 55 м. Рядом с башней предположительно располагались дом главного жреца, большие хранилища и хозяйственные строения.

Близость этого сооружения с храмами Двуречья настолько очевидна, что существует предположение о том, что его автором был выходец из Месопотамии [9, с. 43—44].

Таким образом, если связи Индии с Туркменистаном также будут считаться установленными, они станут значительным элементом геополитической системы описываемого времени.

Согласно существующим исследованиям, в рассматриваемый нами период можно говорить, как минимум, о двух центрах, через которые такие контакты можно проследить.

Прежде всего это торгово-ремесленный центр на территории современного Афганистана Мундигак, через который в Южный Туркменистан (а также в Иран (через

Тепе-Сиалк) и Месопотамию) приходил индийский кремень из месторождений Кот-Диджи. Этот торговый путь существовал, очевидно, с V до середины III тыс. до н. э. [15, с. 45—52; 11, с. 39—45, 56]. Кроме того, архитектура Мундигака является важнейшим свидетельством культурного влияния Месопотамии в регионе [8].

Вторым доказательством прочных туркменско-индийских контактов обозначенного периода следует считать Шахри Сохта, который считается крупнейшим перевалочным пунктом Восточного Ирана в IV — начале III тыс. до н. э., если не ранее [7]. Этот древний центр, без сомнения, имел в указанный период прочные связи с Южным Туркменистаном, что подтверждается находками в Шахри Сохта останков одомашненного бактриана (главного караванного животного этого времени), находками нескольких изделий индийских ремесленников в Юж ном Туркменистане и обнаружением артефактов туркменского происхождения в Индии [11, с. 258—260]. Дополнительным подтверждением контактов юга Туркменистана и Индии явилось присутствие в Туркмении в обозначенный период представителей дравидийской расы, очагом проживания которой считается юг Индии [13].

Об устойчивых связях Южного Туркменистана и Индии в эпоху бронзы свидетельствует большой комплекс самых разнообразных материалов, полученных в ходе раскопок в Алтындепе. Среди них особо отметим индийские печати, являющиеся самыми известными памятника ми письменности индской цивилизации, которую, в свете последних исследований, все чаще называют цивилизацией долин Инда и Сарасвати [17; 18].

Во второй половине III тыс. до н. э. в Средней Азии появляются первые города, крупнейшим из которых был Алтындепе, обнесенный сте-

ной из кирпича-сырца. Тут, а также в Намазгадепе, были высокоразвитые металлургия и архитектура, выделялись жрецы и вожди.

Форма найденных в Алтындепе печатей очень близка к тем, что были найдены в Хараппе, Мохенджодаро и др. Эти ранние туркмен ские печати принято делить на два типа: со свастикой и с двумя знака ми. Найденные на печатях пиктограммы имеют прямые аналогии с индскими [9, с. 47—48]. Если в таком случае речь может идти о взаимопонимании написанного, то такое предположение делает индо-туркменские контакты III тыс. до н. э. очень тесными. Кроме печатей, в Алтындепе найдены индские костяные бусы, изделия из слоновой кости (квадратные и овальные плоские фишки и четырехугольные в сечении палочки с концентрическими кружками на трех сторонах и орнаментом на четвертом) [9, с. 49].

Примечательным историческим свидетельством индотуркменских контактов является и древний Маргуш. Здесь также обнаружен целый ряд изделий из долины Инда: предметы из слоновой кости, раковины, бусы, аналогичные изделиям мастеров из ЧанхуДаро и других городов Южной Азии III тыс. до н. э., костяные инкрустациитрилистники, аналогичные хараппским [14, с. 157—168].

Определенного внимания заслуживают также и найденные в Маргуше культовые предметы (в т. ч. корчагихумы, костяные трубочки, каменные терки, пестики, конические сосуды для процеживания, другие разнообразные сосуды неустановленного назначения), некоторые из которых содержали остатки эфедры и мака, т. е., предположительно, священных галлюциногенов. Хотя отождествление этих находок с какими-либо известными культами, как минимум, преждевременно, это дает нам все основания относить Маргуш к зоне культов с использованием галлюциногенов, которая хорошо известна в более позднее время [14, с. 168—169; 2, с. 113—122].

Еще одним интересным направлением контактов Индии со Сред ней Азией в III тыс. до н. э. является долина Амударьи, в среднем течении которой археологами была

обнаружена индийская торговая колония Шортугай. Согласно последним данным, ее основание было связано с доставкой золота, меди, олова с местных рудников и ляпислазури из Бадахшана, а также с ведением торговли различными товарами с местным населением. Кстати сказать, основная нагрузка по транспортировке указанных материалов как отсюда, так и из Туркмении лежала на караванах из среднеазиатских верблюдов-бактрианов [11, с. 259— 261]. Пунктами назначения этих караванов были индские города. Осо-

бенно хорошо известны украшения из ляпислазури, сделанные в Чан хуДаро.

Также известно, что ювелиры Шортугая занимались обработкой бадахшанской ляпислазури и изготовлением из нее различных изделий. Кроме этого, эти мастера работали с агатом и халцедоном, доставлявшимися из Индии, вероятно, в обмен на руды металлов и ляпислазурь [11, с. 281—282].

Говоря о ранних контактах Южной Азии с Ираном, помимо Шахри Сохта, следует прежде всего упомянуть Тепе-Яхья, Тепе-Гиссар и Тепе Сиалк. Согласно некоторым исследованиям, контакты Индии с этими центрами в III тыс. до н. э. существовали только благодаря богатым иранским месторождениям медной руды [12, с. 143]. При этом известно, что на сухопутных торговых путях между Индией и Месопотамией также были в ходу разнообразные иранские изделия из силикатов [16]. Эти поселения также играли роль перевалочных пунктов на караванных путях из Индии в Месопотамию.

В начале II тыс. до н. э. из-за засухи города были оставлены жителя ми, ушедшими в долину реки Мургаб.

Вся описанная система связей Южной Азии прекратила свое существование в связи с резкими климатическими изменениями, имевши ми место в III тыс. до н. э., в результате чего древние торговые пути со временем пришли в упадок. Затем были постепенно оставлены и древние поселения, утратившие свои торговые связи и источники пресной воды, поскольку реки или пересыхали, или существенно изменяли русла [7; 10].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Не позднее IV тыс. до н. э. Южная Азия, являясь важным самостоятельным историческим регионом, входила в систему межрегиональных торговых и культурных отношений, которые можно условно определить как Малая Азия — Восточное Средиземноморье — Месопотамия — Иран — Средняя Азия — Афганистан — Южная Азия.

2. Южная Азия играла в этой системе роль восточного полюса, роль западного — Месопотамия.

3. Связи Индии с Месопотамией и Туркменией осуществлялись через сеть посредников, главными из которых были Мундигак, Шахри Сохта и Шортугай.

4. Другие иранские центры земледелия, прежде всего ТепеСиалк, ТепеГиссар и ТепеЯхья, играли в этой системе второстепенные роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннамухаммедова, А. Истоки древних крепостей / А. Аннамухаммедова // Древ
ний Джейтун — очаг возникновения ранней земледельческой культуры: материалы Меж
дунар. науч. конф., Ашгабат, 15—16 сент. 2009 г. / Инт рукописей АН Туркменистана. Ашгабат, 2009. С. 264—265.
2. БонгардDЛевин, Г. М. От Скифии до Индии / Г. М. БонгардЛевин, Э. А. Гран
товский. М., 1983. 206 с.

3. Бяшимова, Н. Искусство туркмен, берущее начало из джейтунской культуры / Н. Бяшимова // Древний Джейтун — очаг возникновения ранней земледельческой куль туры: материалы Междунар. науч. конф., Ашгабат, 15—16 сент. 2009 г. / Инт рукописей АН Туркменистана. Ашгабат, 2009. С. 253—254.
4. Губаев, А. Туркменистан и Индия: взаимосвязь цивилизаций / А. Губаев, Т. Сахы дов // Байрам хан и империя Моголов: материалы Междунар науч. конф., Ашгабат, 17—19 июня 2009 г. / Инт рукописей АН Туркменистана. Ашгабат, 2009. С. 281—282.
5. ГудзьDМарков, А. В. Индоевропейская история Евразии. Происхождение славян ского мира / А. В. ГудзьМарков. М., 1995. 312 с.
6. Зарур, И. Генетическая связь Джейтуна с ближневосточными раннеземледельчес кими культурами / И. Зарур // Древний Джейтун — очаг возникновения ранней земле дельческой культуры: материалы Междунар. науч. конф., Ашгабат, 15—16 сент. 2009 г. / Инт рукописей АН Туркменистана. Ашгабат, 2009. С. 260.
7. Индская торговля. Карта // Атлас древнего мира [Электронный ресурс]. — Элек трон. дан. и прогр. М., 2003. — 1 электрон. опт. диск (CDROM): зв., цв.
8. Мундигак // Археологический словарь. М., 1990. С. 165—166.
9. Оразов, М. Б. Соединенные кольца столетий / М. Б. Оразов, А. Г. Губаев, М. Б. Дур дыев // Индия и Туркменистан: живое наследие. НьюДели; Ашхабад, 1998. С. 13—78.
10. Сарианиди, В. И. НамазгаДепе / В. И. Сарианиди // Археологический словарь. М., 1990. С. 169—170.
11. Agrawal, D. P. The Indus Civilization. An Interdisciplinary Perspective / D. P. Agrawal. New Delhi, 2007. 380 p.
12. Chakrabarti, D. K. The External Trade of the Indus Civilization / D. K. Chakrabarti. New Delhi, 1990. 183 p.
13. Joshi, N. Jeitun and Harappa Civilizations: the Past Interaction and Prospects for Present / N. Joshi // Древний Джейтун — очаг возникновения ранней земледельческой культуры: материалы Междунар. науч. конф., Ашгабат, 15—16 сент. 2009 г. / Инт рукописей АН Туркменистана. Ашгабат, 2009. С. 122—123.
14. Kochhar, R. The Vedic People. Their History and Geography / R. Kochhar. New Delhi, 2000. 259 p.
15. Lal, B. B. The Earliest Civilization of South Asia / B. B. Lal. New Delhi, 1997. 336 p.
16. LambergKarlovsky, C. C. The Biography of an Object: The Intercultural Style Vessels of the 3rd Millennium BCE / C. C. LambergKarlovsky // History from Things, Essay on Material Culture / Eds. Steven Lubar and W. David Kingery. Washington and London, 1993. P. 286—289.
17. Rajaram, N. S. Sarasvati River and the Vedic Civilization / N. S. Rajaram. New Delhi, 2006. 152 p.
18. Vedic River Sarasvati and Hindu Civilization / Ed. S. Kalyanaraman. Chennai, 2008. 413 p.